

Щемелев Артем Владимирович

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ ДУНАЙСКОГО ВСАДНИКА

В статье приводится обзор работ, затрагивающих проблему классификации и типологии памятников так называемого Дунайского Всадника - рельефных изображений II-IV вв., исполненных на камне и в металле и носивших культовый характер. Рассмотрены и проанализированы труды исследователей, в которых предлагаются принципы классификации данного вида источников и различные подходы к их изучению.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-2/63.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. II. С. 216-219. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hists@gramota.net

УДК 94(398)

Исторические науки и археология

В статье приводится обзор работ, затрагивающих проблему классификации и типологии памятников так называемого Дунайского Всадника – рельефных изображений II–IV вв., исполненных на камне и в металле и носивших культовый характер. Рассмотрены и проанализированы труды исследователей, в которых предлагаются принципы классификации данного вида источников и различные подходы к их изучению.

Ключевые слова и фразы: Дунайский Всадник; религия; культ; votивные рельефы; иконография.

Щемелев Артем Владимирович

Московский городской педагогический университет
artemvshchemelev@gmail.com

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ ДУНАЙСКОГО ВСАДНИКА®

Феномен так называемого Дунайского Всадника довольно слабо изучен в отечественной историографии. И хотя еще в начале XX в. появилась весьма обстоятельная статья знаменитого академика М. И. Ростовцева (издана им в эмиграции на французском языке [24]), в дальнейшем традиции изучения данной темы в советской и затем российской науке не сложилось. Исключением являются отдельные работы Ю. П. Калашника [3], Е. М. Штаерман [5, с. 232–279].

Термин «Дунайский Всадник» используют для обозначения изображений II–IV вв., которые выполнены согласно определенной иконографической традиции, распространенной в регионе дунайского бассейна (в римских провинциях Дакия, Мезия, Паннония). Именно здесь найдено подавляющее большинство археологических памятников данного круга [26, vol. 2, p. 60]. Они встречаются также и в других провинциях Римской империи (Далмация, Фракия и др.), но гораздо реже. Дунайский Всадник изображен на каменных и мраморных плитах или, чаще, на металлических пластинках (из свинца либо меди). Последние обычно небольшого размера, до 10 см в высоту, предположительно они служили амулетами, оберегами [9, p. 69].

Общей для большинства памятников данного типа является композиция из двух конников, симметрично расположенных друг напротив друга, и женщины, стоящей посередине между ними. Под копытами коней показаны лежащие ниц поверженные враги. Помимо того представлен ряд других персонажей: участники неких обрядовых таинств и мистерий, изображения звезд, солнца, луны, а также змеи и других животных. Очень многие рельефы имеют усложненную композицию: их пространство как бы поделено на несколько горизонтальных уровней (регистров), на каждом из которых представлен отдельный сюжет (один или несколько). Однако существуют также изображения, где присутствуют не два Всадника, а один, при наличии многих других характерных элементов: поверженный враг, фигуры женщины, слуг и др.

Наиболее полное собрание изображений Дунайских Всадников опубликовано румынским историком Д. Тудором [26, vol. 1], некоторые интересные экземпляры можно увидеть также в работах М. И. Ростовцева [24], В. Добруски [1] и ряде публикаций периода 1980-х – начала 2010-х гг. [15; 20; 22; 23].

По вопросу о том, какова сущность изображений на дунайских рельефах, историческая наука не выработала единого мнения: споры в зарубежной историографии не прекращаются много лет. При этом не вызывает сомнений то, что эти памятники – самостоятельное явление, свидетельство некоего особого культа, отразившего религиозные воззрения населения эпохи заката Римской империи. Многие артефакты обнаружены во вторичном контексте, кроме того, они в подавляющем большинстве анэпиграфичны. Этот факт наряду с отсутствием каких-либо других письменных свидетельств о культе чрезвычайно затрудняет работу, по признанию исследователей [18, p. 184; 26, vol. 2, p. 84]. В данной связи именно анализ источника, постижение сущности иконографии становится одним из ключевых способов познания. Подобный подход невозможен без выработки системы классификации памятников.

Попытки типологизировать известные науке изображения предпринимались уже первыми исследователями феномена Дунайского Всадника, но довольно узкая источниковая база и слабая изученность материала на тот момент времени стали причиной ошибочности многих выводов. Так, например, в труде венгерского ученого Й. Хампеля представлено около 60 рельефов конников [13], однако многие из них, как позднее заключил Д. Тудор, не принадлежат к дунайскому кругу.

В начале прошлого века академик М. И. Ростовцев предложил свое деление памятников на три большие группы, каждая из которых представляет «определенную отдельную эпоху» [24, p. 3–4]. Первая группа немногочисленна, к ней относятся небольшие каменные стелы, а также изделия из бронзы, датируемые периодом конца I в. – первой половины II в. Они отличаются тем, что фигура Всадника еще не «продублирована», т.е. конник одиночный.

Вторую группу представляет серия свинцовых плашек, выполненных в форме эдикулы (часто на них по бокам изображены две колонны, которые поддерживают фронтон). Здесь присутствуют уже два Всадника. Собственно изображение располагается в части под фронтоном, оно разделено на несколько уровней. Данную группу М. И. Ростовцев относит к II и III вв., отмечая, что в III в. при возрастании количества рельефов качество их исполнения ухудшается.

Третья группа отличается от второй материалом: это каменные или мраморные плитки в более грубом стиле. Всадников на них также двое. Форма памятников различна: это стелы, маленькие круглые или квадратные иконки. Сюжет здесь komponуется в основном в два уровня. Набор деталей композиции менее разнообразен по сравнению с памятниками второй группы, но среди них встречаются принципиально новые элементы. По мнению М. И. Ростовцева, большинство рельефов третьей группы было создано в III в. [Ibidem, p. 4].

В середине XX в. свою систему классификации выстроил французский историк Эрнест Уилль [27, p. 312-331]. Он подразделил памятники на три большие группы (А, В и С), внутри которых отметил вариации.

Группа А названа им «простые стелы». Это рельефы на каменных плитах, все пространство которых заполняет изображение Всадника (одного или двух). По Э. Уиллю, этот тип памятников «заимствован у Фракийского Всадника» [Ibidem, p. 312].

Действительно, существуют признаки, позволяющие предполагать определенное родство двух типов конников из-за возможного влияния иконографии Фракийского Всадника на наиболее ранние памятники дунайского культа (имеются в виду прежде всего те артефакты, на которых центральное место занимает одиночный Всадник) [19]. О преемственности можно сделать вывод, проанализировав, например, каменные рельефы из Алмуса (современная Турция) [26, vol. 1, № 71], Парачина (восток Сербии) [Ibidem, № 64], Зелдепы (север Болгарии) [Ibidem, № 90] и др. Главный герой на них изображен по канонам Фракийского Всадника: есть сходство в позах коня и ездока, одежде, важное отличие состоит лишь в наличии у дунайского конника фригийской шапочки. Справа от Всадника на плитке из Зелдепы изображено дерево, обвитое змеей (как известно, это один из традиционных атрибутов Фракийского Всадника). Однако, вместе с тем, присутствует фигура поверженного врага, что совершенно не свойственно табличкам фракийского круга; на плашках из Парачина и Зелдепы наличествует нижний регистр с культовыми символами.

Группа В, по Э. Уиллю, более многочисленна. Это стелы с несколькими рядами сцен. Внутри данной группы историк выделяет три подгруппы: стелы с одним регистром (снизу) и стелы, имеющие два регистра (сверху и снизу). При этом внутри каждой из подгрупп он обособляет находки в зависимости от материала, из которого они выполнены (памятники из камня прямоугольной формы, медальоны из металла овальной или круглой формы, прямоугольные металлические пластины и др.) [27, p. 313-315].

В группу С входят памятники, которые содержат изображения со множеством регистров (более двух). В основном они происходят из Паннонии (в отличие от памятников группы А, в большинстве своем найденных на территории Дакии и Мезии). Как предполагает французский историк, в Паннонии находился центр изготовления данного типа изделий. Группа С имеет три подгруппы в зависимости от особенностей иконографии. К первой подгруппе относятся плашки, изображение на которых как бы обрамлено рельефными колоннами и парапетами, ко второй – с обрамлением, созданным стоящими по бокам двумя колоннами, соединенными архивольтами (эдикулы со сводами), к третьей – все прочие плашки [Ibidem, p. 316-317].

В 1966 г. вышла обстоятельная статья хорватского археолога И. Искры-Яношич под названием «Римские votivные плитки на территории Югославии (вопросы типологии и распространения)» [14]. Автор выделила семь типов памятников Дунайского Всадника, за основу классификации взяв содержательную сторону изображений и иконографию, посчитав их основными элементами изучаемого материала [Ibidem, s. 50].

Тип 1 иначе назван «Даль» (от места находки – деревни в Хорватии на границе с Сербией, близ впадения реки Драва в Дунай). Для рельефов типа «Даль» характерна прямоугольная форма с полукруглой эдикулой, которая опирается на две колонны, пространство изображения поделено на четыре зоны. Этот тип имеет два варианта, различающихся только внешним видом колонн (витые или гладкие). Находки обнаружены помимо деревни Даль также в Нови Бановци (на Дунае, территория Сербии), Вуковаре (город в Хорватии, на Дунае), в районе Осиека (город в Хорватии) и Халапича (деревня на территории Боснии и Герцеговины) и других местах бывшей Югославии [Ibidem].

Памятники типа 2 – «Дивош» (по названию деревни в Сербии, в округе Сирмия) – прямоугольной формы, но сверху снабжены «трехрогим дополнением»: имеют фронтоны и акротерии по бокам. Пространство изображения поделено на три части, это разделение очень ярко выражено.

Именованию памятникам типа 3 – «Чалма» – дала деревня в Сремской Митровице в Сербии. Данные рельефы также имеют прямоугольную форму, изображение обрамлено рамкой, в верхней части есть акротерии и фронтоны. Плоскость поделена на три зоны, в соответствии с тематикой.

Название типу 4 («Мачванска Митровица») дал город в Сербии. Он имеет два варианта. Первый соответствует по внешнему облику типу «Чалма», но, в отличие от него, в прямоугольной рамке заключен круглый медальон, внутри которого мы видим три регистра. Вторым же вариантом характеризуется круглой формой, а в остальном похож на вышеописанный. Памятники данного типа найдены в городе Любушки (Босния и Герцеговина), деревне Прхово (Сербия), Мачванска Митровица, Пожаревац (Сербия) и др. [Ibidem, s. 55-56].

Тип 5 («Белград-1») отличают прямоугольная форма, треугольный фронтон наверху, наличие двух регистров в композиции.

Памятники типа 6 («Попинци», по названию деревни в Сербии в округе Срем) – имеют круглую форму, два регистра изображения очень трудно разграничить друг от друга; образцы этого типа найдены преимущественно на территории Сербии.

Тип 7 («Белград-2») схож с типом 5, но, в отличие от него, имеет круглую форму, изображение поделено на три уровня [Ibidem, s. 58].

Почти в одно время с И. Искрой-Яношич работу по анализу и сбору памятников Дунайского Всадника вел румынский историк Д. Тудор. Его «Corpus Monumentorum Religionis Equitum Danuvinorum» (CMRED) [26], вышедший в 1969-1976 гг., стал одним из фундаментальных исследований по данной тематике. В первом томе опубликованы изображения всех известных на тот момент табличек Дунайских Всадников, во втором даны их характеристика, анализ и интерпретация, а также добавлено описание нескольких новооткрытых памятников. В общей сложности Д. Тудор рассмотрел и проанализировал 232 артефакта.

Исходя из иконографических критериев, по Д. Тудору, все дунайские рельефы можно разделить на три класса (А, В и С) [Ibidem, vol. 2, p. 84-98].

К классу А относятся изображения одиночной фигуры Всадника, под ногами коня расположен поверженный враг, рядом – фигура женщины. Дополнительных персонажей и сцен на рельефах этого типа может не быть. Д. Тудор, так же, как и Э. Уилль, полагает, что этот иконографический тип сформировался под влиянием памятников Фракийского Всадника, а появление пары Всадников произошло позднее, под воздействием культа Диоскуров, который, как показал Ф. Шапутье [8], в греко-римском мире был широко распространен, а в Причерноморье еще в последней четверти II в. до н.э. очень возможно был официальным царским культом [4, с. 115-121].

Класс В составляют похожие изображения, но на них присутствует две фигуры Всадника. Поверженных врагов тоже два – под конем каждого из Всадников. В центре показано женское божество.

И, наконец, в класс С Д. Тудор включил рельефы, на которых помимо Всадников и богини на отдельном уровне (регистре) представлена сцена загробной трапезы, или бюсты «божественной триады», занимающие все основное пространство [26, vol. 2, p. 94-95]. Подобные рельефы наименее многочисленны и к моменту публикации сборника Тудора считались новооткрытыми. Позднее о такой плитке упоминал, в частности, А. Н. Щеглов [6, с. 177] и довольно обстоятельно описал в своей статье Ю. П. Калашник [3].

Д. Тудор предложил также и другой вариант классификации, обозначив семь типов – в зависимости от формы памятников и материала, из которого они созданы. Тип I – это памятники правильной прямоугольной формы с количеством регистров от 1 до 4. Тип II – с закругленным верхом с композицией по центру поля (позднее в памятниках этого типа появились добавления фриза у основания и астральных символов над головами Всадников).

К типу III румынским историком были отнесены рельефы в форме эдикулы с фронтоном треугольной формы. К типу IV – рельефы той же формы, но с композицией, заимствованной у вотивных или надгробных стел.

Тип V, по Д. Тудору, представляют собой каменные или свинцовые пластины в форме диска. Тип VI – это каменные пластины овоидной (яйцевидной) формы, обнаруженные в Нижней Мезии, Верхней и Нижней Паннонии. И, наконец, тип VII включает в себя памятники эллипсоидной формы, соответствующие геммам с гравировкой.

В отличие от Э. Уилля, полагавшего, что культ происходит с нижнего Дуная, а именно из провинций Верхняя и Нижняя Мезия, Д. Тудор, основываясь на анализе иконографии, истоки Дунайского Всадника выводит из Дакии.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что в XX столетии в вопросе изучения феномена Дунайского Всадника было сделано чрезвычайно много. Однако, вместе с тем, предложенные системы классификации, основывающиеся на разных критериях, не отличаются единообразием и не позволяют полностью прояснить важнейшие вопросы изучения феномена. Важно отметить и то обстоятельство, что в распоряжении исследователей был ограниченный круг памятников. Наиболее полным собранием, как уже упоминалось, располагал Д. Тудор, который постарался охватить максимум известных находок (в чем ему оказывали помощь коллеги из разных стран). В остальных случаях база исследования была более узкой. Учитывая это, можно назвать классификацию Д. Тудора наиболее полной и объективной.

Однако введение источников в научный оборот имело место и после выхода в свет сборника CMRED. В последние годы в научном сообществе появились известия о находках памятников дунайского круга [2; 7; 11; 16; 21], в том числе сопровождаемых надписями [25]. В то же время вопрос о сущности иконографических схем продолжает оставаться открытым, и попытки создания универсальной системы классификации были возобновлены. В современной историографии появился ряд трудов по данной проблематике [10; 12; 17].

В работах румынского исследователя С. Немети [16; 18] ставится под сомнение тезис о происхождении иконографии Дунайского Всадника из Дакии, и истоки традиции выводятся из Нижней Мезии. Классификация, разработанная историком, имеет ряд особенностей. Во-первых, автор сосредоточил свое внимание главным образом на свинцовых плашках с тремя регистрами, подразделив их на четыре «варианта» [18, p. 186-187]. Тем самым он фактически оставил прочие памятники Дунайского Всадника вне рамок исследования. Во-вторых, автор убежден, что эти памятники появились в один временной период (конец II в. – начало III в.) и представляют собой комплексный и наиболее развитый вариант иконографии культа [Ibidem, p. 186]. По мнению С. Немети, свинцовые плашки очень сильно отличаются от каменных рельефов, хотя при их создании были заимствованы некоторые отдельные мотивы «репертуара» каменных плит [16, p. 134].

Немецкий историк Р. Ф. Эртль опубликовал монографию, в которой в числе прочего рассмотрел вопросы классификации памятников [10]. Современные исследователи склонны считать, что только лишь анализы иконографии недостаточно для того, чтобы уловить послание, которое сообщают мистические дунайские таблички. Действительно, классификацию, которая основывалась бы только на стилистических и иконографических элементах, составить весьма сложно. Как показывает анализ, неизменными остаются только фигуры

Всадника (Всадников) и женщины, но при этом даже они имеют различия в деталях. Место расположения и само наличие прочих фигур могут варьироваться.

Подводя итоги, можно заключить, что за длительный период в несколько десятилетий историческая наука не смогла прийти к каким-либо однозначным выводам даже по ключевым вопросам (таким как типология памятников и истоки традиций), поэтому изучение темы не теряет актуальности и в наши дни. Научное сообщество признает сегодня, что ни об одном из религиозных культов античности не известно так мало, как о культе Дунайского Всадника [11, С. 99].

Зарубежные учёные приложили немало усилий для решения проблемы типологизации памятников Дунайского Всадника. Несмотря на различия в подходах и позициях, можно признать, что вклад Э. Уилля, Д. Тудора, а также М. И. Ростовцева и других в дело исследования дунайского феномена неоченим. Без ссылок на их труды невозможно представить работы историков, так или иначе решивших затронуть тематику культа Дунайского Всадника и более широкую – памятников конных героев в Балкано-Дунайском регионе.

Список литературы

1. Добруски В. Тракийски конници и другие божества-ездачи // Археологически известия на Народния музей в София. София, 1907. Кн. I. С. 99-150.
2. Иванов М. Equites Danuvini Serdicens. Към въпроса за хронологията и разпространението на паметниците // Археология. 2011. Кн. 2. С. 123-127.
3. Калашник Ю. П. Херсонесский памятник культа Дунайских всадников // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 1997. Т. XXVIII. С. 167-173.
4. Сапрыкин С. Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М. – Тула: Гриф и К, 2009. 426 с.
5. Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи (Италия и Западные провинции). М.: Изд-во АН СССР, 1961. 320 с.
6. Щеглов А. Н. Фракийские посвященные рельефы из Херсонеса Таврического // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1969. С. 135-177.
7. Boruzs K., Szabó G. Neue Votivtafeln aus Blei aus dem Komitat Tolna // Ex officina... Studia in honorem Dénes Gabler. Győr: Mursella Régészeti Egyesület, 2009. Ol. 63-76.
8. Chapoutier F. Les Dioscures au service d'une déesse. P.: Édition de Boccard, 1935. 380 p.; 67 fig.
9. Cumont F. Les «Cavaliers danubiens» // Revue archéologique. 1938. T. XI. P. 67-70.
10. Ertl R. F. Donaureiter-Bleivotivtafeln: Versuch einer Typologie. Petronell-Carnuntum, 1996. 156 S.
11. Ertl R. F. Neue Donaureiter-Bleivotivtafeln entdeckt // Almogaren. 2013-2014. № 44-45. S. 99-134.
12. Hadji Vasinca M. Câteva considerații cu privire la cultul Cavalierilor Danubieni. Clasificări // Analele Banatului. Serie Nouă. Archeologie – Istorie. 2007. № 15. P. 131-134.
13. Hampel J. Lovas istenségek dunavidéki antik emlékeken // Archaeologiai Ertesito. 1903. № 23. P. 305-365.
14. Iskra-Janošić I. Rimskie votivne pločice od olova u Jugoslaviji (Prilog tipologiji i rasprostriranju) // Opuscula archaeologica. 1966. № 6. S. 49-68.
15. Mackintosh M. A Lead Danubian Rider Plaque // Oxford Journal of Archaeology. 1997. № 16 (3). P. 363-373.
16. Nemeti S. I rilievi dei Cavalieri Danubiani. Spunti per l'interpretazione diacronica delle varianti regionali // Cult and Votive Monuments in the Roman Provinces. Cluj-Napoca: Mega Publishing House, 2015. P. 129-138.
17. Nemeti S. Sincretismul religios în Dacia romană. Cluj-Napoca: Presa Universitară Clujeană, 2005. 423 p.
18. Nemeti S. Telling Myths, Explaining the Ritual // Transylvanian Review. 2010. Vol. XIX. P. 183-198.
19. Oppermann M. Thrakische und Danubische Reitergötter und ihre Beziehungen zu orientalischen Kulte // Die Orientalischen Religionen im Römerreich. Leiden: Brill Archive, 1981. S. 510-530.
20. Paridaens N. Une plaquette aux «Cavaliers Danubiens» découverte à Merbes-le-Château (prov. Hainaut, Belgique) // Archäologisches Korrespondenzblatt. 2010. № 40. S. 411-423.
21. Pedroni L. Una gemma magica con «Cavalieri Danubiani» // Acta Antiqua Academia Scientiarum Hungaricae. 2007. Vol. 47. P. 217-225.
22. Popović I. Nouvelles icônes de plomb des cavaliers danubiens de Sirmium // Starinar. 1988. № 39-41. P. 116-117.
23. Popović I. Une image datée des cavaliers danubiens // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité. 1991. Vol. 103. № 1. P. 235-245.
24. Rostovtzeff M. Une tablette votive thraco-mithriaque du Louvre. P.: Imprimerie Nationale, 1923. 31 p.; 24 fig.
25. Szabó A. Dominus. Una nuova tavoletta di piombo ei cd. «Cavalieri Danubiani» dalla Pannonia // Dacia Felix. Studia Michaeli Bărbulescu oblata. Cluj-Napoca: Editura tribuna, 2007. P. 150-158.
26. Tudor D. Corpus Monumentorum Religionis Equitum Danuviorum: 2 vols. Leiden: Brill, 1969-1976. Vol. 1. 138 p.; Vol. 2. 309 p.
27. Will E. Le relief culturel gréco-romain. Contribution à l'histoire de l'art de l'empire romain. P.: Édition de Boccard, 1955. 492 p.

ON THE ISSUE OF CLASSIFYING THE DANUBIAN HORSEMAN IMAGES

Shchemelev Artem Vladimirovich
Moscow City Teacher Training University
artemvshchemelev@gmail.com

The article provides a review of the papers touching on the problem of the classification and typology of the monuments of the so called Danubian Horseman – the reliefs of the II-IV centuries, carved or engraved, cultic by nature. The author examines and analyzes the works of the researchers introducing the principles for classifying this type of sources and different approaches to their study.

Key words and phrases: Danubian Horseman; religion; cult; votive reliefs; iconography.